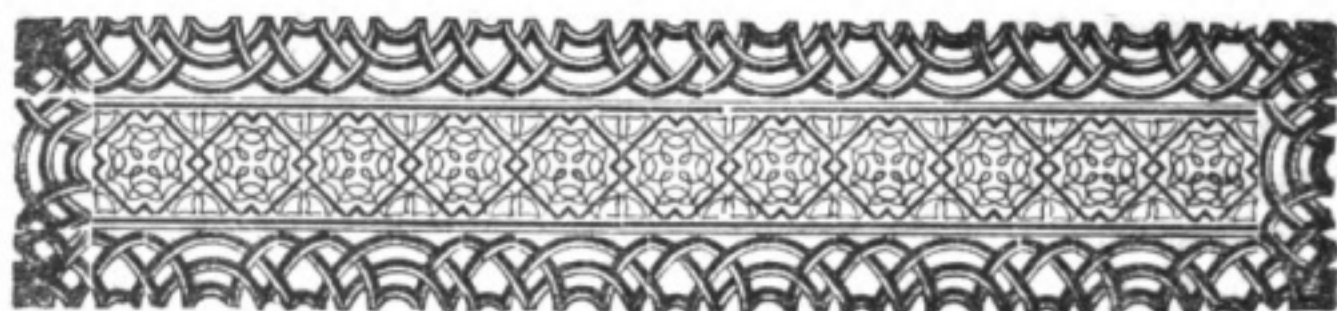

Эпизодъ изъ сербской коопераціи.

Вспоминаю дивный пріемъ меня Императоромъ Александромъ II, въ маѣ 1878 года, по вызовѣ меня изъ Сербіи. Тамъ, состоя при князѣ Миланѣ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею на Балканскомъ полуостровѣ, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, я руководилъ всѣми операціями сербскихъ войскъ. Оставляю въ сторонѣ изложеніе историческихъ событій, какъ достояніе военной исторіи, но коснусь личнаго столкновенія съ княземъ Миланомъ Обреновичемъ изъ-за сербской службы подполковника Ефрема Марковича, имъ представленнаго къ награжденію орденомъ Св. Георгія и имъ же разстрѣляннаго, вскорѣ по оставленіи мною Бѣлграда по телеграммѣ изъ С.-Петербурга для сопровожденія графа Шувалова на Берлинскій конгрессъ.

Беззавѣтно храбрый, талантливый и въ высшей степени распорядительный, подполковникъ Ефремъ Марковичъ съ своей бригадой во время войны проявилъ высокую боевую доблесть подъ Акъ-Паланкой и Пиротомъ, но, порывистый въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ, имѣлъ несчастіе неосторожными словами навлечь на себя ненависть князя Милана. Однако, когда я получилъ послѣ овладѣнія крѣпостью Нишемъ, черезъ прибывшаго изъ главной квартиры кавалергардскаго полка ш.-р. Хвоцинскаго, порученіе передать отъ имени главнокомандующаго 150 крестовъ ордена за военное отличіе нижнимъ чинамъ сербской арміи, наиболѣе отличившимся, и спросить князя Милана о представленіи офицеровъ къ ордену Св. Георгія, князь во главѣ списка представляемыхъ собственноручно написалъ имя

Эпизодъ изъ сербской коопераціи.

Вспоминаю дивный приемъ меня Императоромъ Александромъ II, въ маѣ 1878 года, по вызовѣ меня изъ Сербіи. Тамъ, состоя при князѣ Миланѣ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею на Балканскомъ полуостровѣ, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, я руководилъ всѣми операціями сербскихъ войскъ. Оставляю въ сторонѣ изложеніе историческихъ событій, какъ достояніе военной исторіи, но коснусь личнаго столкновенія съ княземъ Миланомъ Обреновичемъ изъ-за сербской службы подполковника Ефрема Марковича, имъ представленнаго къ награжденію орденомъ Св. Георгія и имъ же разстрѣляннаго, вскорѣ по оставленіи мною Бѣлграда по телеграммѣ изъ С.-Петербурга для сопровожденія графа Шувалова на Берлинскій конгрессъ.

Беззавѣтно храбрый, талантливый и въ высшей степени распорядительный, подполковникъ Ефремъ Марковичъ съ своей бригадой во время войны проявилъ высокую боевую доблесть подъ Акъ-Паланкой и Пиротомъ, но, порывистый въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ, имѣлъ несчастіе неосторожными словами навлечь на себя ненависть князя Милана. Однако, когда я получилъ послѣ овладѣнія крѣпостью Нишемъ, черезъ прибывшаго изъ главной квартиры кавалергардскаго полка ш.-р. Хвоцинскаго, порученіе передать отъ имени главнокомандующаго 150 крестовъ ордена за военное отличіе нижнимъ чинамъ сербской арміи, наиболѣе отличившимся, и спросить князя Милана о представленіи офицеровъ къ ордену Св. Георгія, князь во главѣ списка представляемыхъ собственноручно написалъ имя

Ефрема Марковича. Представленіе пошло въ главную квартиру, а мы въ скоромъ времени вернулись въ Бѣлградъ.

Но здѣсь обстановка измѣнилась. Хорошія стороны характера князя Милана рѣзко перемѣнились къ худшему. Умъ съ шутиливымъ сарказмомъ уступилъ мѣсто крайней подозрительности, безразсудной мстительности, тупой на всѣхъ злобѣ. Вездѣ стали ему мерещиться заговоры и посягательства на его жизнь. Къ сожалѣнію, княгиня Наталія, изъ рода Кешко, женщина пластичной красоты и недюжинныхъ способностей, раньше имѣвшая большое на своего мужа вліяніе, не только его совершенно утратила и допустила въ семьѣ соблазнъ, но и сама страстно увлекалась придворною интригою.

Боевыя доблести были забыты. Все измѣрялось не приносимою пользою, а степенью угодничества и льстивою услужливостію предъ лицомъ князя Милана. Достаточно было обнести кого-либо преданностію Карагеоргіевичамъ, чтобы подвергнуть его жизнь серьезной опасности. Даже тогдашній военный министръ, самъ Савва Груичъ, воспитанникъ нашей Военной Академіи, попалъ въ княжескій списокъ подозрительныхъ. Вотъ при какой обстановкѣ, однажды, обратился ко мнѣ Груичъ, встревоженный и возмущенный, съ сообщеніемъ, что Марковичъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, отданъ подъ военный судъ и вѣроятно на-дняхъ будетъ разстрѣлянъ.

— Ради Бога, говоритъ, помогите, съ Вами князь считается, а безъ Вашего заступничества Марковичъ пропалъ. Жаль чуднаго, способнаго человѣка, отличнаго военнаго. Васъ князь навѣрно послушаетъ, а мое слово не имѣетъ у него никакого значенія.

Черезъ полчаса я уже былъ въ кабинетѣ князя, оживленно со мною бесѣдовавшаго о расчетѣ денежной субсидіи, по счету ли мобилизованныхъ войниковъ, или по числу боевыхъ частей, оперировавшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Очень осторожно я коснулся городскихъ слуховъ, по которымъ Ефрему Марковичу будто бы грозитъ смертная казнь. Я говорилъ объ этомъ, какъ о вздорномъ слухѣ, вызывая князя на опроверженіе. Но каково было мое изумленіе, когда князь, вскочивъ, какъ ужаленный, и бѣгая по комнатѣ, мнѣ отвѣчалъ бѣшеною репликою:

— Императорское всероссійское правительство мнѣ дало категорическое заявленіе въ томъ, что оно не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжества, и я никому не позволю судить о моемъ управленіи странюю. Что-же касается лично до васъ, генералъ, то совѣтую вспомнить примѣръ Карцова ¹⁾ и умѣрить вашу любознательность.

¹⁾ Бывшій генеральный консулъ и дипломатическій агентъ, удаленный изъ Бѣлграда по провскамъ князя.

Рѣчь князя Милана я привожу вкратцѣ, но она была многорѣчива, прерывистая, бурная и произнесена съ рѣзкимъ подъемомъ голоса. Такую дерзкую выходку нельзя было оставить безъ соотвѣтственнаго отпора, который я старался произнести сдержанно, но отчеканивая каждое свое слово.

— Ваша Свѣтлость ошибаетесь, говоря, что я вмѣшиваюсь во внутреннія дѣла Сербіи. Политика касается Персіани ¹⁾, а я, нося высокое званіе представителя Императорской боевой арміи, требую отъ Васъ, князя Милана сербскаго, отчета въ жизни и чести подполковника Марковича, какъ георгіевскаго кавалера, котораго Вы, очевидно, имѣете намѣреніе поставить къ позорному столбу, чего допустить я не считаю совмѣстнымъ съ достоинствомъ нашего высшаго боевого ордена Св. Георгія Побѣдоносца... Что же касается до Вашего личнаго ко мнѣ обращенія съ частнымъ совѣтомъ, то, чтобы не остаться въ долгу у Вашей Свѣтлости, долгомъ почитаю Вамъ напомнить, что Императорская армія знаетъ и цѣнитъ боевую доблесть Карагеоргіевичей, бившихся въ однихъ съ нею рядахъ, Обреновичей же чтитъ, какъ организаторовъ братскаго народа. Если же Обреновичи будутъ разстрѣливать лучшихъ сербскихъ людей, русская армія ихъ знать не захочетъ.

Какъ облитый изъ ушата холодной водой, князь Миланъ вдругъ стихъ, сѣлъ къ кресло и обратился ко мнѣ въ примирительномъ тонѣ.

— Кажется мы сердимся, а я вовсе не имѣлъ въ виду Васъ чѣмъ-либо задѣть. Скажите, генераль, чего бы Вы хотѣли относительно Марковича?

— Чтобы Вы его не разстрѣливали и во всякомъ случаѣ не отказали бы мнѣ, предварительно Вашего рѣшенія, познакомиться съ его дѣломъ.

— Хорошо, я это Вамъ обѣщаю. Однако, зная Вашъ мирный характеръ, я не думалъ найти въ Васъ такого несговорчиваго оппонента.

На этотъ разъ все обошлось благополучно. Но довѣрять князю Милану было бы опасно, почему на слѣдующій же день я снова входилъ въ княжескій конакъ. Я уже проходилъ большимъ заломъ, когда дежурный адъютантъ мнѣ объявилъ, что князь боленъ и видѣть его нельзя.

— Я буду кстати и постараюсь дать полезный совѣтъ. Надѣюсь, что я не стѣсню князя своимъ присутствіемъ, такъ какъ во время войны мы видѣли другъ друга въ разныхъ костюмахъ.

¹⁾ Дипломатическій агентъ нашъ.

Но адъютантъ не двигался съ мѣста и въ нерѣшительности заявилъ, что ему воспрещено докладывать. Для меня все стало ясно. Князь желалъ мнѣ отплатить за ему данный вчерашній урокъ.

— Какъ мнѣ жаль не видѣть князя. Будьте добры доложить Его Свѣтлости, что съ первымъ пароходомъ я уѣзжаю въ Петербургъ. И, повернувшись, я медленно сталъ удаляться, не спѣша сѣлъ въ экипажъ и приказалъ кучеру медленно ѣхать. Не успѣлъ экипажъ доѣхать до воротъ, какъ на подъѣздъ вылетѣлъ адъютантъ и бѣгомъ приблизился ко мнѣ.

— Его Свѣтлость просить Васъ въ кабинетъ, извиняется, что нѣсколько задержитъ, но онъ встаетъ и спѣшно одѣвается.

Черезъ нѣсколько минутъ князь уже входилъ.

— Что случилось, дорогой генералъ, что Вы такъ неожиданно покидаете Бѣлградъ? Имѣете телеграмму изъ Петербурга, вѣроятно, относительно субсидіи?

— Отнюдь ничего подобнаго. Но князь Миланъ отказался принять представителя Императорской арміи, а русскій генералъ не счелъ возможнымъ оставаться въ княжеской резиденціи дольше двадцати четырехъ часовъ.

— Ахъ, Вы все объ этомъ. Какой же Вы злопамятный.

— Извиняюсь за причиненное безпокойство, но смѣю увѣрить, что все обѣщанное будетъ точно и своевременно исполнено. Теперь же прошу позволенія Вашей Свѣтлости затронуть щекотливый вопросъ о выясненіи нашихъ дальнѣйшихъ отношеній, нѣсколько запутавшихся послѣдними событіями. Простите за прямизну и откровенность солдата. Въ теченіе всей войны я имѣлъ нѣсколько случаевъ свидѣтельствовать о корректномъ способѣ дѣйствія главнокомандующаго сербскими войсками; но что я могу отвѣтить теперь, когда меня спросятъ въ Петербургѣ, на что можно рассчитывать по отношенію боевой силы княжества. Обстоятельства измѣнились. Значеніе Сербіи будетъ измѣряться не численностью мало организованныхъ и почти не обученныхъ войсковыхъ частей, а отборнымъ корпусомъ, способнымъ къ маневрированію и выполненію боевыхъ задачъ. Это разъ, а во-вторыхъ, не малую для меня заботу составляетъ вопросъ, какъ самъ князь Миланъ будетъ относиться къ общеславянскому дѣлу въ случаѣ, если политическія осложненія вновь выдвинутъ вопросъ о поддержаніи верховныхъ государственныхъ интересовъ вооруженною рукою.

— Но, дорогой генералъ, я вполне съ Вами согласенъ и ничего не имѣю противъ реорганизаціи нестроевыхъ полчищъ въ отборный корпусъ. Въ подробностяхъ согласитесь съ генераломъ Протичемъ, и дѣло будетъ сдѣлано.

— Я просилъ бы Васъ высказаться и по второму вопросу.

— Ну, да! Я разумѣется безпредѣльно признателенъ, и лично за себя, и за княжество, за великодушную помощь Всероссійскаго Императора и ищу только случая, чтобы доказать это на дѣлѣ.

— Всегда съ благодарностью вспоминая постоянно милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе во все время войны, я позволилъ себѣ набросать черновое письмо отъ Васъ на Высочайшее имя Государя Императора въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли бы лечь въ основаніи дальнѣйшихъ отношеній. Если Ваша Свѣтлость разрѣшите, я прочту письмо, набросанное въ записной книжкѣ.

— Прошу Васъ.

Я медленно и съ остановками прочелъ набросокъ черногого письма ¹⁾.

— Вполнѣ все одобряю, и Вы смѣло можете доложить Императору, что таково мое глубокое убѣжденіе.

— Но въ такомъ важномъ дѣлѣ недостаточенъ словесный докладъ. Необходимъ неопровержимый фактъ. Необходимо письмо Вашей Свѣтлости, если возможно, собственноручно написанное такъ же, какъ было сдѣлано представленіе о георгіевскихъ кавалерахъ.

— Оставьте мнѣ письмо, и я взвѣшу всѣ его выраженія.

— Прошу извинить, но способъ выраженія не такъ важенъ, какъ сущность дѣла. При томъ же я не дипломатъ, не аккредитованъ при правительствѣ Вашей Свѣтлости и потому боюсь выйти изъ рамокъ моихъ обязанностей и быть можетъ подать поводъ къ нареканію, что вмѣшиваюсь во внутреннія дѣла княжества.

— Какой вы злой. Ну, хорошо. Будьте покойны, до Вашего отъѣзда въ Петербургъ письмо будетъ готово.

— Приношу Вашей Свѣтлости глубочайшую признательность и за себя, и за все славянство.

Хотя послѣ этого я оставался въ Бѣлградѣ еще около двухъ недѣль, но разговоръ по этому предмету не возобновлялся; а Груичъ передавалъ, что судебное дѣло объ Ефремѣ Марковичѣ находится у князя для конфирмаціи приговора.

Предъ самымъ отъѣздомъ я напомнилъ князю и объ его обѣщаніи не рѣшать участи Марковича, не выслушавъ предварительно меня, и объ обѣщанномъ письмѣ на имя Государя Императора. Въ отношеніи перваго князь просилъ не беспокоиться за жизнь Ефрема Марковича; а о письмѣ отозвался, что онъ много о немъ ду-

¹⁾ Письмо было мною напечатано въ оригиналѣ и съ переводомъ на русскій языкъ въ моей книгѣ „Въ Сербіи“.

маль, но не рѣшается его дать, боясь слишкомъ связать себѣ руки.

Не успѣлъ я доѣхать до Петербурга, какъ Ефремъ Марковичъ былъ разстрѣлянъ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ удостоенъ Его Императорскимъ Величествомъ особымъ приѣмомъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по императорскому кабинету, какъ услышалъ въ высшей степени милостивый и ласковый голосъ Государя Императора.

— Здравствуй. Радъ тебя видѣть. Ты знаешь, я вѣрить не хотѣлъ твоимъ телеграммамъ объ успѣхахъ сербскаго оружія. Какъ могло случиться, что сербы вдругъ овладѣваютъ съ боя проходомъ Св. Николая, берутъ Акъ-Паланку, тѣснятъ турецкія войска занимаютъ, Пиротъ, наконецъ Нишъ!?

— Лестныя слова Вашего Императорскаго Величества глубоко западаютъ мнѣ въ душу. Съ Божіей помощью, мнѣ удалось достичь того, что сербы меня слушались. Примѣняя основныя требованія военнаго искусства, я старался ихъ сосредоточивать массами на важнѣйшихъ пунктахъ, и Господь даровалъ намъ побѣду. Правда и то, что Плевна притянула къ себѣ большую часть лучшихъ турецкихъ войскъ; на сербской границѣ оставались таборы редифа; но и они для сербовъ представляли серьезную опасность. Позднѣе грознымъ противникомъ явился талантливый Хажызь-паша, но къ этому времени духъ сербскихъ войскъ окрѣпъ, и онѣ уже стали драться одинъ на одинъ.

Опускаю дальнѣйшія выраженія Монаршей милости, такъ какъ оныя относились до меня лично. Всѣмъ своимъ существомъ я благоговѣлъ предъ неисчерпаемымъ ко мнѣ благоволеніемъ, чувствовалъ себя награжденнымъ свыше заслугъ и былъ счастливъ, какъ никогда.

— Я ждалъ твоего приѣзда, чтобы рѣшить вопросъ о георгіевскомъ крестѣ. Ты знаешь, я далъ этотъ орденъ румынскому князю Карлу, какъ главнокомандующему румынскими войсками. А какъ, по твоему мнѣнію, слѣдуетъ ли дать Георгія князю Милану?

— Ваше Величество! На-дняхъ я былъ подавленъ вѣроломствомъ князя Милана, но все-таки нахожу справедливымъ дать этотъ высокій орденъ за боевые подвиги, не лично князю Милану, а главнокомандующему сербскихъ войскъ. За что послѣднія останутся безъ награды? Въ такомъ именно смыслѣ и долженъ быть составленъ Высочайшій рескриптъ о пожалованіи.

— Что ты хочешь сказать о Миланѣ?

Тутъ я передалъ въ общихъ выраженіяхъ трогательную эпопею Ефрема Марковича. По мѣрѣ того, какъ рассказъ подвигался къ кровавой развязкѣ, какъ вырисовывалось вѣроломство князя Милана, мой голосъ становился все болѣе и болѣе прерывистымъ, все сильнѣе дрожалъ, горло спазматически сдавливалось до хрипоты.

— Какая кровожадность, какое жестокое варварство! Я возмущенъ до глубины души отвратительнымъ поступкомъ Милана, взволнованно проговорилъ Государь. Передай отъ Меня Гирсу, онъ долженъ быть здѣсь, чтобы въ этихъ же выраженіяхъ было передано мое негодованіе сербскому правительству.

— Осмѣлюсь доложить, Ваше Императорское Величество, что въ Петербургѣ теперь находится дипломатическій агентъ княжества.

— Да, да, пусть Гирсъ позоветъ его къ себѣ и еще на словахъ подтвердитъ Мое порицаніе звѣрскому поступку, которымъ я глубоко возмущенъ.

Чтобы быть точнымъ, я, испросивъ соизволеніе Государя Императора, тутъ же подробно всеподданнѣйше доложилъ о всѣхъ послѣднихъ событіяхъ въ Бѣлградѣ и всю исторію съ письмомъ.

Опять въ Бѣлградѣ, опять въ княжескомъ конакѣ, но не я, а Персіани въ парадномъ мундирѣ громко читаетъ министерскую бумагу князю Милану, то блѣднѣющему, то багровѣющему, грызущему по обыкновенію свои ногти.

— Вижу, что этимъ я отчасти обязанъ генералу ¹⁾, обратился онъ къ Персіани по окончаніи чтенія.

— Не только отчасти, возразилъ Персіани, а вполне ²⁾.

Г. И. Бобриковъ.

¹⁾ Je vois le doigt du général.

²⁾ Non seulement le doigt, mais toute la main.